

ПРОБЛЕМА ПРИЗНАНИЯ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ ЖЕРТВАМИ НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМА

Латышев А. В.

Российская Федерация, г. Москва
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
доцент школы исторических наук,
кандидат исторических наук

По разным оценкам, от 4 до 6 млн военнослужащих Красной армии в годы Великой Отечественной войны попали во вражеский плен [1, с. 22]. Расходятся и оценки числа погибших, называются цифры вплоть до 4 млн. Но несомненен огромный масштаб смертности советских военнопленных, особенно в 1941 году. Принятые национал-социалистским руководством Германии директивы о бесчеловечном обращении с пленными красноармейцами свидетельствуют о предумышленной политике их массового уничтожения [2]. Советские военнопленные – вторая после евреев по численности группа жертв нацизма. Их массовая смертность в лагерях военнопленных в конце 1941 года предшествовала Ванзейской конференции с ее «окончательным решением еврейского вопроса», показав техническую возможность уничтожения масс людей в лагерных условиях. Принудительный труд советских военнопленных в немецкой экономике, ужасные условия их содержания, убийства в лагерях военнопленных и отправка части пленных в концлагеря и лагеря смерти – все это стало частью обвинений, выдвинутых против руководства Германии в Нюрнберге, а на последующих судебных процессах – и против исполнителей преступных приказов.

Однако, несмотря на доказанность и всеобщее признание военных преступлений против них, советские военнопленные официально не признаны жертвами национал-социализма и жертвами войны вообще. В своем докладе мы хотим кратко остановиться на трех причинах такого положения дел: политика памяти и общественные настроения в послевоенной Германии, двусмысленное отношение к попавшим в плен в СССР, принятие ветеранским сообществом героизации бывших в плену в качестве единственного способа легитимации своего военного опыта.

Как указывают исследователи исторической памяти, в послевоенной ФРГ господствовал миф о «чистом вермахте», который отделялся от преступлений СС и нацистской партии [3, с. 106–108]. Не в последнюю очередь этому способствовало то, что на Нюрнбергском процессе германская армия не была признана преступной организацией. В итоге через студенческую революцию 1968 года, новую восточную политику канцлера В. Брандта и «спор историков» западные немцы шли по долгому пути признания участия армии в истреблении евреев и других преступлений против мирного населения. Инициативы отдельных

сообществ по увековечиванию памяти о советских военнопленных как о жертвах нацизма (самая известная – «Цветы для Штукенброка» [4]) не меняли общего отношения – военнопленные являются участниками войны, их страдания неизбежны, немцев нельзя упрекать в жестокости с ними обращении. Общественность ФРГ сильнее волновали судьбы соотечественников, попавших в советский плен. Хотя последние немецкие военнопленные покинули СССР еще в конце 1950-х, большие потери Германии в конце войны вместе с развалом системы их учета привели к тому, что родственники пропавших без вести, а на деле погибших солдат считали их взятыми в плен и удерживаемыми в лагерях в Сибири [5, с. 136–173].

Выход в ФРГ исследования, показавшего преднамеренный характер истребления советских военнопленных [2], не изменил отношения к ним общества. Отрицание на политическом уровне продолжилось и после объединения ФРГ и ГДР, на оставшихся в живых бывших пленных не распространялись программы 1990-х гг. по компенсациям жертвам нацизма из стран бывшего соцлагеря. Не последнюю роль в этом играло нежелание крупного бизнеса нести моральную и материальную ответственность за трудовое использование пленных, часто имевшее характер «истребления трудом». Только в 2011 году президент Бундестага впервые включил в своей речи советских военнопленных в число жертв, и лишь в 2015 году их включили в программу выплат, правда, назвав их не компенсациями, а «добровольными выплатами» [3, с. 114–115].

Помимо этого, Германия никогда не испытывала встречного давления со стороны СССР. Согласно пропаганде военного времени, советский воин не мог попасть живым в руки врага. Уголовный кодекс РСФСР в редакции 1926 г. в ст. 193-22 устанавливал высшую меру наказания за «сдачу в плен... не вызывавшуюся боевой обстановкой». Но признавалось возможным и происходящее вопреки воле воина «попадание» в плен. Разницу пытались нащупать юристы, но фактически она (пере)определялась органами госбезопасности в ходе массовых фильтраций вернувшихся из плена после боев на Халхинголе, Советско-финской войны, в ходе и по завершении Великой Отечественной войны [6, с. 365–382]. Успешное прохождение фильтрации не защищало от маргинального положения в послевоенном обществе, проявлений недоверия, ограничений на вступление в партию, занятие ряда должностей [7, с. 102–128].

С середины 1950-х гг. репрессии прекратились, был предпринят ряд мер для нормализации их положения в обществе. Вскоре после XX съезда КПСС, в июне 1956 г., секретное постановление ЦК запустило кампанию по восстановлению доброго имени бывших пленных. Их начали вновь принимать в партию, перестали отказывать в приеме на работу, около 70 тысяч получили ордена и медали. Бежавшему из плена на угнанном немецком самолете летчику М. П. Девятаеву Верховный Совет СССР присвоил звание Героя Советского союза. Положительный

образ пленных создавали фильмы «Судьба человека» С. Бондарчука (1959 г.) и «Чистое небо» Г. Чухрая (1961 г.) [8, с. 177–210].

Однако кампания носила кратковременный и ограниченный характер. До конца советской эпохи на памятниках и мемориалах на местах массовых казней погибшие военнопленные, как и евреи и другие группы жертв, скрывались под общей формулировкой «мирные советские граждане». Призыв ФРГ к ответственности за массовое истребление пленных привел бы к раскрытию беспрецедентного в военной истории числа попавших в руки врага, ставящему вопросы о причинах поражений начала войны, компетентности руководства и адекватности советской системы как таковой. Итогом стало то, что в СССР военнопленные также не выделялись в особую категорию жертв войны. В постсоветское время в России посчитали более важным признать в 1995 году бывших пленных, подвергшихся процедуре фильтрации, жертвами сталинских политических репрессий [9, с. 96].

При этом героизация была для пленных единственной возможностью публично говорить о своем военном опыте, быть полноправной частью ветеранского сообщества и фронтового поколения. Единственный образ пленного-жертвы был создан в первые послевоенные годы – в биографии генерала Д. М. Карбышева главным пунктом была его страшная, мученическая смерть в Маутхаузене. В 1950–1980е гг. в мемуарах, художественной литературе и научных исследованиях писали о массовых убийствах пленных и их лишениях в неволе, но только в связке с активным сопротивлением лагерному режиму. Упоминание подпольной коммунистической организации, готовившей массовое вооруженное восстание узников лагеря, стало обязательным пунктом любого рассказа о плене. Внимание было сосредоточено на тех, кто находился в концлагерях за пределами СССР и кто оказывал активное сопротивление [10, с. 1–56]. Однако даже при наличии такой биографии широкое общественное признание не было гарантировано. Пленные вводились государством в пантеон героев войны избирательно – так, не был награжден организатор единственного успешного массового восстания и побега из лагеря смерти Собибор А. А. Печерский [8, с. 177–210].

Изучение переписки бывших пленных друг с другом и с их публичными представителями (писателями С. С. Смирновым, Е. А. Долматовским и др.) оставляет впечатление произошедшей интернализации. Героический, жизнеутверждающий нарратив, созданный в рамках советской политики памяти, был принят пленными как внутренняя установка. Пережившие ужасы плена, ветераны принципиально отказывались идентифицировать себя как жертв войны, выдвигая на первое место свое сопротивление нацизму, каким бы скромным оно ни было. Это настроение было свойственно не только увидевшим свет текстам пленных, но и написанным не для печати («в стол») или созданным уже в постсоветское время.

Таким образом, проблема официального признания советских военнопленных жертвами нацизма имеет комплексный характер. Главной причиной является традиция, выросшая из нежелания большей части немецкого послевоенного общества и политического класса признавать широкое участие военных в убийствах, а гражданских – в трудовой эксплуатации военнопленных, экстраординарность масштабов убийств и их системный характер. В то же время и СССР не ставил вопрос об официальном признании пленных жертвами. Тщательно выстраиваемая политика памяти о войне концентрировалась на массовом героизме, а не на страданиях людей, а прояснение количества убитых пленными грозило подорвать доверие ко всему нарративу о войне. Наконец, сами бывшие пленные, объединенные в сообщества по месту окружения или пребывания в плену, в массе своей не собирались ставить вопрос о признании себя жертвами, поскольку мыслили себя героями войны и всегда боролись не за особое положение, а за уравнивание в реальных правах и символическом статусе с другими советскими ветеранами.

Список цитированных источников

1. Земсков, В. Н. «Статистический лабиринт». Общая численность советских военнопленных и масштабы их смертности / В. Н. Земсков // Российская история. – 2011. – № 3. – С. 22–32.
2. Штрайт, К. Они нам не товарищи. Вермахт и советские военнопленные в 1941–1945 гг. / К. Штрайт. – М. : Русская панорама, 2009. – 482 с.
3. Стратиевский, Д. Бывшие советские военнопленные: позднее признание, проблемы исторической памяти и компенсационных выплат / Д. Стратиевский // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. – 2017. – № 4 (11). – С. 105–118.
4. Васильев, А. В. Мемориал / А. В. Васильев. – М. : Молодая гвардия, 1986. – 284 с.
5. Grunewald, S. From Incarceration to Repatriation: German Prisoners of War in the Soviet Union / S. Grunewald. – New York : Cornell University Press, 2024.
6. Говоров, И. В. Филтрация советских репатриантов в 40-е гг. XX вв. Цели, методы, итоги / И. В. Говоров // Cahier du Monde Russe. – 2008. – Т. 49, № 2–3. – С. 365–382.
7. Edele, M. Soviet veterans of the Second World War / M. Edele. – New York, 2008. – P. 102–128.
8. Аристов, С. Соппротивление советских военнопленных в нацистских концентрационных лагерях и центрах уничтожения: история и память / С. Аристов, И. Васильев, М. Мацкевич, М. Эдельштейн ; под ред. С. Аристова. – М. : РОССПЭН, 2022. – 303 с.
9. Наумов, В. П. Судьба военнопленных и депортированных граждан СССР. Материалы Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий / В. П. Наумов // Новая и новейшая история. – 1996. – № 2. – С. 96–113.
10. Ерин, М. Е. Советские военнопленные в нацистской Германии 1941–1945 гг. Проблемы исследования / М. Е. Ерин. – Ярославль : Изд-во Ярославского гос. ун-та, 2005. – 178 с.